

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2024.60.20>**ОБРАЗ СЫНА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО В СЕДЬМОЙ ГЛАВЕ КНИГИ ДАНИИЛА: ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Научная статья

Бессонов И.А.^{1,*}¹ ORCID : 0000-0002-6292-3375;¹ Российский биотехнологический университет, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (himins[at]yandex.ru)

Аннотация

Основным предметом исследования в настоящей работе является история эволюции трактовки образа Сына Человеческого в седьмой главе книги Даниила в традиционной экзегетике и современной научной библеистике. В работе выделяется три основных подхода к интерпретации этого образа: мессианская интерпретация, коллективная интерпретация и ряд интерпретаций, отождествляющих фигуру Сына Человеческого с некоторыми небесными или полубожественными фигурами (архангел Михаил, Премудрость Божия, Слава Господня). В статье дается общая авторская оценка сильных и слабых мест описанных традиций, выделяются основные этапы и вероятные причины их исторической эволюции и приводятся авторские соображения относительно наиболее перспективных подходов к исследованию рассматриваемой проблематики.

Ключевые слова: книга Даниила, апокалиптика, экзегетика, псевдоэпиграфия.**THE IMAGE OF THE SON OF MAN IN THE SEVENTH CHAPTER OF THE BOOK OF DANIEL: MAJOR SCIENTIFIC APPROACHES TO INTERPRETATION AND RESEARCH PERSPECTIVES**

Research article

Bessonov I.A.^{1,*}¹ ORCID : 0000-0002-6292-3375;¹ Russian University of Biotechnology, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author (himins[at]yandex.ru)

Abstract

The main subject of research in this work is the history of the evolution of the interpretation of the image of the Son of Man in the seventh chapter of the Book of Daniel in traditional exegetics and modern scientific biblical studies. The paper identifies three main approaches to the interpretation of this image: the messianic interpretation, the collective interpretation, and a number of interpretations that identify the figure of the Son of Man with some heavenly or semi-divine figures (Archangel Michael, the Wisdom of God, the Glory of the Lord). The article gives a general author's assessment of the strengths and weaknesses of the described traditions, highlights the main stages and probable reasons for their historical evolution, and gives the author's thoughts on the most promising approaches to the study of the problem at hand.

Keywords: Book of Daniel, apocalypics, exegetics, pseudigraphy.**Введение**

Книга Даниила является одним из первых произведений, относящихся к апокалиптической литературе, и единственным произведением этого типа, вошедшим в состав Ветхого Завета. Как известно, это произведение можно условно разделить на два раздела: истории о пророке Данииле, входящие в первую часть книги (Дан 1-6), и апокалиптические видения Даниила (Дан 7-12), из которых состоит вторая часть этого произведения. Центральное место в книге Даниила – и в композиционном, и в смысловом, и в историческом отношении занимает седьмая глава, в определенном смысле представляющая собой переход от жанра «придворных историй» о жизни пророка при вавилонском и персидском дворе к жанру апокалиптических видений.

Основные результаты

Основной темой седьмой главы является сон пророка Даниила и его истолкование присутствующим ангелом. Сначала Даниил видит четырех чудовищных животных, выходящих из моря. Самым страшным из них является четвертый зверь: «Он пожирает и сокрушает, остатки же попирает ногами; он отличен был от всех прежних зверей, и десять рогов было у него» (Дан 7, 7). Затем перед пророком предстают две божественные фигуры. Сначала он видит «Ветхого днями», под которым, очевидно, понимается Бог. Он производит суд над четвертым зверем; тот убивается и его тело предается огню (Дан 7, 11). После этого перед сновидцем предстает загадочная фигура «Сына Человеческого»: «Видал я в ночных видениях, вот, с облаками небесными шел как бы Сын Человеческий и дошел до Ветхого днями и подведен был к Нему. И Ему дана власть, слава и царство, чтобы все народы, племена и языки служили Ему; владычество Его – владычество вечное, которое не прейдет, и царство Его не разрушится» (Дан 7, 13-14). Затем в толковании видения, которое дается присутствующим ангелом, четыре животных определяются как символ «четырех царей» (Дан 7, 17), а Сын Человеческий ставится в соответствие со «святыми Всевышнего» (Дан 7, 18) или «народом святых Всевышнего» (Дан 7, 27).

Тем не менее характеристика Сына Человеческого в толковании видения Даниила остается достаточно неопределенной. Между Сыном Человеческим и «святыми Всевышнего» или «народом святых Всевышнего» не проводится прямой аналогии – скорее мы можем говорить об аналогии между картиной дарования универсальной власти Сыну Человеческому и дарованием царства святым Всевышнего. Исходя из этого, можно предположить, что Сын Человеческий может быть как символом «святых Всевышнего», так и фигурой, обозначающей их руководителя, покровителя или защитника. Таким образом, видение Даниила делает возможным целый ряд самых разных интерпретаций, большинство из которых представлены как в традиционной экзегетике, так и в современной научной литературе.

Одной из древнейших традиций, многие столетия господствовавших в христианской и иудейской экзегетике, была идентификация Сына Человеческого с Иисусом Христом или Мессией. Она очевидным образом появляется уже в синоптических Евангелиях, где Христос недвусмысленно отождествляется с Сыном Человеческим, «грядущим на облаках небесных» (Мк 14, 62; Мф 26, 64) – очевидная аллюзия на Дан 7. Впоследствии данное толкование стало «общим местом» христианской экзегетики – его разделяли такие христианские авторы как Ириней Лионский, Ипполит Римский, Иоанн Златоуст, бл. Феодорит Кирский, бл. Иероним, отождествлявшие Сына Человеческого с Иисусом Христом. Мессианская интерпретация является наиболее популярной и в иудейской традиции. Мы находим ее в целом ряде талмудических пассажей, позднее она появляется у многих иудейских авторов – Авраама Ибн Эзры, Раши и Абраманеля. Фактически можно сказать, что мессианская интерпретация стала стандартным толкованием Дан 7 в иудейской и христианской экзегетике [1, С. 139-148].

Мессианское толкование образа Сына Человеческого в книге Даниила, доминировавшее в традиционной христианской и иудейской экзегетике, оказалось на втором плане в работах, придерживающихся историко-критического метода изучения Библии. Тем не менее эта концепция все-таки появляется у ряда исследователей. В качестве примера работы, поддерживающей эту трактовку, можно привести статью Дж. Бисли-Мюррея. По его мнению, характерная для книги Даниила зыбкость разграничения между царством и личностью царя предполагает, что дарование царства «народу святых Всевышнего» в данном случае подразумевает получение царства будущим царем Израиля, то есть Мессией – тем более, что, как отмечает Бисли-Мюррей, «было бы «необычно для позднего еврейства напряженно ожидать царства Божьего без представителя народа и царства» [2, С. 55]. Действительно, республиканское устройство, характерное для древних Афин и Рима, было фактически неизвестно на эллинистическом Востоке. Другой пример частичной поддержки мессианской интерпретации образа Сына Человеческого мы можем найти в комментарии А. Бентцена. А. Бентцен, связывавший происхождение Дан 7 с гипотетическим «праздником воцарения Господа», а образ Сына Человеческого – с фигурой царя Израиля, чья коронация, по его мнению, отображается в таких текстах как Пс 2 и Дан 7, также допускал возможность мессианского понимания фигуры Сына Человеческого в силу неопределенности границ между царем и его царством [3, С. 62-64]. Тем не менее Бентцен признает, что образ Сына Человеческого в Дан 7 уже переосмыслен автором как символ еврейского народа. В целом мессианская интерпретация не пользуется серьезной поддержкой среди комментаторов, являющихся сторонниками историко-критического изучения книги Даниила и не принадлежащих к религиозным кругам. Вероятной причиной этого является как отсутствие упоминаний о Мессии в других разделах книги Даниила, так и определенное отталкивание от традиционной религиозной интерпретации образа Сына Человеческого.

Другой интерпретацией, пользовавшейся влиянием начиная с момента включения книги Даниила в библейский канон, стала коллективная интерпретация, понимающая Сына Человеческого как символическое изображение еврейского народа. Вероятно, это толкование возникло еще в царстве Хасмонеев; позднее оно закрепилось в экзегетической традиции, дошедшей до нас в трудах ряда сирийских комментаторов: Ефрема Сирина, Феодора бар Кони, Ишоада Мервского [1, С. 139-148]. Коллективное толкование образа Сына Человеческого получило развитие не только в сирийской христианской, но и в иудейской традиции. Так, мы находим его в ряде талмудических пассажей, во многих мидрашах, относящихся к эпохе раннего Средневековья, в комментарии Раши и Ибн Эзры [4, С. 82-89]. В конце XIX века коллективная интерпретация стала одной из наиболее популярных в научной библеистике; долгое время она была стандартным толкованием образа Сына Человеческого в работах сторонников историко-критического метода изучения Библии [5, С. 309]. Очевидно, что истолкование сна пророка Даниила, однозначно связывающее Сына Человеческого со «святыми Всевышнего» или «народом святых Всевышнего», естественным образом предполагает их тождество, которое можно поставить под сомнение только опираясь на другую экзегетическую традицию (отождествление Сына Человеческого с Мессией) или другой набор древнееврейских текстов (апокрифические сочинения, связанные с именем Еноха, и Кумранские тексты), Равным образом, противопоставление Сына Человеческого и четырех чудовищных животных хорошо укладывается как в библейскую теологию (ср. Пс 8), так и в гуманистическую идеологию либеральных христианских комментаторов второй половины XIX – начала XX вв. В XX веке коллективная интерпретация была серьезно потеснена новыми толкованиями образа Сына Человеческого. Несмотря на это, она продолжала поддерживаться большим числом исследователей и до сих пор остается частью научного мейнстрима. Так, мы находим ее в работах Хартмана и Ди Леллы [9, С. 218–219], М. Кейси [4], А. Альбертца [18, С. 184-185], Ч. Сяо [21, С. 108-109], А. Гарднер [8] и ряда других исследователей.

Другие варианты интерпретации не имеют столь долгой экзегетической истории, как отождествление Сына Человеческого с Мессией или народом Израиля. В первую очередь они стали популярны в научной литературе XX века, пытавшейся рассмотреть видение Даниила в контексте апокалиптической литературы эпохи второго Храма и текстов Кумрана. Наиболее популярной из них стала ангельская интерпретация, отождествляющая Сына Человеческого с архангелом Михаилом. Впервые такая интерпретация была предложена в 1901 году Н. Шмидтом [20]. В дальнейшем развитие этой концепции зачастую строилось даже не вокруг образа Сына Человеческого, а вокруг «святых Всевышнего», которым должно быть даровано царство после уничтожения четвертого зверя. Традиционно «святые Всевышнего» отождествлялись с иудеями, преследуемыми Антиохом Епифаном, однако целый ряд

исследователей прошлого века предположил, что более правильной интерпретацией является их отождествление с ангелами, а не праведными людьми. Эта идея была впервые высказана О. Прокшем [17, С. 429] и затем развита М. Нотом [16, С. 215-228], отметившим, что под «святыми» в библейских текстах почти всегда подразумеваются именно ангелы. Если принять это предположение, то отождествление Сына Человеческого с архангелом Михаилом выглядит совершенно логично: получение царства ангельскими воинствами, «святыми Всевышнего», символизируется непосредственным воцарением их руководителя, архангела Михаила. Впоследствии эта идея была развита в работах Дж. Коллинза [5, С. 304-310], привлечшего для ее обоснования также ряд Кумранских текстов, в частности «Свиток войны», предсказывающий, что Бог «возвысит среди божественных (сил) предводительство Михаила, а власть Израиля — над всякой плотью» (1QM 17:7–8). Сын Человеческий связывается с архангелом Михаилом в работах целого ряда авторов: К. Роуланда [19, С. 178-182], Р. Кратца [12, С. 97], К. Ньюсом [15, С. 235-237], Кл. Коха [10, С. 140-172]. Несмотря на достаточно серьезное число аргументов и большой пласт материалов, используемых сторонниками этой версии, ее слабым местом остается упоминание «народа святых Всевышнего» как получателя вечного царств в стихе Дан 7, 27. Даже если «святые Всевышнего» обозначают ангелов, Сын Человеческий может быть не представителем «святых Всевышнего», а символом «народа святых Всевышнего». Подобная трактовка была бы вариантом коллективной, а не ангельской интерпретации фигуры Сына Человеческого.

Ряд толкований рассматривает Сына Человеческого как некоторую небесную, сверхъестественную или даже божественную фигуру. В данном случае уместнее говорить не об одной трактовке, а о целом комплексе интерпретаций, в той или иной степени связанных друг с другом. Так, ряд исследователей пытался увидеть в образе Сына Человеческого самостоятельную фигуру, восходящую к древнему восточному мифу о первочеловеке, одновременно выступающем в роли эсхатологического спасителя. Корни этой идеи можно увидеть уже у представителей немецкой «школы истории религий»; впоследствии она получила развитие в работах К. Крелинга [11] и С. Мовинкеля [14, С. 420-437]. Собственно еврейскими текстами, используемыми сторонниками данной концепции, стали ряд произведений, относящихся к области апокалиптики и псевдоэпиграфии, в первую очередь Книга образов и Третья книга Ездры. Еще одной концепцией, высказывавшейся исследователями, стало понимание Сына Человеческого как полубожественной фигуры или даже божественной ипостаси, воплощения Премудрости Божьей или Славы Господней [7]. Сторонники этой версии часто акцентируют связь Дан 7 с книгой Иезекииля и прочитывают образ Сына Человеческого именно в контексте этого произведения. Примечательно и то, что сторонники обеих версий во многом понимают образ Сына Человеческого в соответствии с его более поздней христианской интерпретацией. И трактовка Сына Человеческого как нового Адама, и его понимание как воплощенной Премудрости или божественной ипостаси во многом могут быть поняты как прочтение образа Сына Человеческого в свете Нового Завета, предполагающее непосредственную связь между оригинальной трактовкой фигуры Сына Человеческого и ее развитием авторами книг Нового Завета. Слабой стороной этих построений является лежащее в их основе допущение, что указанные концепции существовали уже в еврейской мысли первой половины Маккавейской эпохи – предположение, которое не кажется очевидным большинству исследователей.

Обсуждение

Вероятно, рассмотрение Дан 7 в контексте каких-либо других текстов и литературных и экзегетических традиций позволяет «вчитывать» в него другие смыслы, которые могли и не содержаться в первоначальном замысле автора книги Даниила. Очевидно, что любое толкование образа Сына Человеческого должно в первую очередь строиться на анализе текста самой книги Даниила. Принципиальной проблемой для оценки смысла видения является вопрос о соотношении между представленными в видении символами и их толкованием. Является ли изображенное в видении воцарение Сына Человеческого аллегорией происходящих в нашей реальности исторических событий или оно является изображением реальных событий, происходящих на другом плане реальности? Иными словами, является ли Сын Человеческий только символом некоторого реального земного объекта или он представляет собой такую же сверхъестественную фигуру, реально существующую на небесах, как и «Ветхий днями»? Вся современная полемика вокруг толкования Дан 7, в первую очередь, сводится к обсуждению приведенного вопроса. С одной стороны, можно предположить, что видение дает нам изображением некоторых событий, реально происходящих в небесном плане. В нем изображается воцарение некоторой божественной фигуры, которая получает власть от Всевышнего. Большинство версий исторического происхождения сюжета видения Дан 7, равно как многие толкования этого видения, существовавшие в традиционной иудейской и христианской экзегетике, непосредственно связаны именно с буквальным пониманием картины, изображенной в Дан 7. С другой стороны, толкование видения само по себе предполагает аллегорическое понимание этой картины – в нем Сын Человеческий оказывается только символическим изображением «святых Всевышнего» или «народа святых Всевышнего», а весь мифологический сюжет превращается в изображение пророческого сна, предсказывающего будущие исторические события.

Вероятно, книга Даниила находится на той стадии исторического развития еврейской мысли, когда буквальное восприятие мифологических сюжетов сочеталась с их активной аллегоризацией и историзацией. Равным образом, имел место и обратный процесс мифологизации сюжетов, первоначальной не имевших мифологического содержания. Так, написанный примерно в одно время с книгой Даниила Апокалипсис Животных изображает «пастырей», которым Бог поручает пасти овец, и губивших их в большем числе, чем было определено свыше (Ен 89). Очевидно, что в данном случае речь идет о переосмыслении вполне конкретно-исторического пассажа книги Иезекииля (Иез 34) в свете мифологического сюжета об ангелах, под управление которых Бог на определенное время отдает народ Израиля. Равным образом, в самой книге Даниила архангел Михаил мыслится как патрон и будущий спаситель еврейского народа (Дан 12, 1). С другой стороны, изображенные в Дан 7 четыре чудовищных животных, выходящих из моря, очевидным образом символизируют четыре мировые империи – Вавилон, Мидию, Македонию и царства диадохов. Очевидно, что соотнесение мировых империй с животными аналогично их соотнесению с частями огромной статуи в Дан 2 (Дан 2, 38-43) – в обоих случаях они являются аллегорическим обозначением мировых держав и за ними не стоит

никакой небесной, мифологической реальности. Аналогичные колебания возникают и в Дан 8. Там символизирующий нечестивого царя «небольшой рог» нападает на «воинство небесное» и сбрасывает с небес символизирующие его звезды (Дан 8, 10). Традиционная экзегетика и многие представители научной библеистики отождествляли звезды, на которые нападает «небольшой рог», с праведными иудеями, преследуемыми Антиохом Епифаном [1, С. 312]. Ряд современных комментаторов считает, что автор книги Даниила прямо говорит о том, что Антиох Епифан своим захватом Храма и отменой положенных по Закону жертвоприношений наносит вред ангелам, связанным с календарными датами и иудейским культом [5, С. 306, 333].

Таким образом, мы можем заключить, что «Ветхий днями», обозначающий Бога, очевидным образом существует за пределами сна пророка Даниила. При этом четыре животных являются чисто символическими образами и не существуют за пределами пророческого сна – а центральный в Дан 7 образ Сына Человеческого может получать принципиально разные интерпретации. Мы наблюдаем постоянную смену этих интерпретаций всю историю изучения книги Даниила – начиная от христианской и иудейской экзегетики до современной научной библеистики [6]. Примечательно и то, что популярные в науке интерпретации часто выдвигаются по принципу отталкивания от господствующего мнения. Так, отождествление Сына Человеческого с фигурой Мессии/Иисуса Христа в традиционных иудейских и христианских толкованиях книги Даниила сменилось коллективной интерпретацией фигуры Сына Человеческого, характерной для классической научной библеистики. В этом подходе было очевидно влияние «либерального христианства» XIX столетия с его склонностью к демифологизации и рациональному толкованию Священного Писания. В XX веке происходит отталкивание уже от классической либеральной библеистики, и влияние получают точки зрения, усматривающие в изображении Сына Человеческого различные фигуры, имеющие преимущественно мифологический характер.

Заключение

Исследование образа Сына Человеческого в книге Даниила очевидно будет продолжаться и далее – несмотря на обилие научной литературы, посвященной данной проблеме [6]. Вероятно, наиболее перспективным подходом к этой теме будет не предложение новых версий и привлечение все новых источников, связанных с библейской литературой, псевдоэпиграфией или Кумранскими текстами, а четкое определение и разграничение предметов исследования. Это может быть определение значения фигуры Сына Человеческого в тексте арамейской книги Даниила, существование которой постулируется многими исследователями, в окончательном тексте двуязычной книги Даниила, в восприятии первых читателей книги Даниила, живших непосредственно в период гонения Антиоха Епифана, или читателей, ознакомившихся с этим произведением уже после очищения Храма Иудой Маккавеем. Равным образом, исследования стилей и традиций, которые легли в основу книги Даниила, требует более четкой временной, пространственной и социальной привязки этих текстов, их авторов и читателей, равно как и возможных путей их трансмиссии. Вероятно, только такой подход позволит каким-то образом упорядочить множество теорий и гипотез, высказанных за два столетия историко-критического изучения книги Даниила.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Бессонов И.А. Пророчества книги Даниила: происхождение, история экзегетики, толкование. Царство святых Всевышнего и мировая история / И.А. Бессонов. — Санкт-Петербург, 2019.
2. Beasley-Murray G.R. The Interpretation of Daniel 7 / G.R. Beasley-Murray // Catholic Biblical Quarterly. — 1983. — № 45. — P. 44–58.
3. Bentzen A. Daniel / A. Bentzen. — Tübingen, 1952.
4. Casey M. Son of Man. The interpretation and influence of Daniel 7 / M. Casey. — London, 1979.
5. Collins J.J. A Commentary on the Book of Daniel / J.J. Collins. — Minneapolis, 1993.
6. Egger J. Influences and Traditions Underlying the Vision of Daniel 7:2–14: The Research History from the End of the 19th Century to the Present / J. Egger. — Freiburg-Göttingen, 2000.
7. Feuillet A. Le Fils de l'homme de Daniel et la tradition biblique / A. Feuillet // Revue Biblique — 1963. — № 60.
8. Gardner A. "Holy ones" and "(Holy) people" in Daniel and 1QM / A. Gardner // Keter Shem Tov: Collected Essays on the Dead Sea Scrolls in Memory of Alan Crown. — Piscataway, 2013.
9. Hartman L.F. The Book of Daniel / L.F. Hartman, A.A. Di Lella. — New York, 1980.
10. Koch K. Das Reich der Heiligen und der Menschensohn / K. Koch. — Neukirchen-Vluyn, 1995.
11. Kraeling C.H. Anthropos and Son of Man: A Study in the Religious Syncretism of the Hellenistic Orient / C.H. Kraeling. — New-York, 1927.
12. Kratz R.G. The Visions of Daniel / R.G. Kratz // The Book of Daniel. Composition and Reception.
13. Lebram J.-Ch. Das Buch Daniel / J.-Ch. Lebram. — Zurich, 1984.
14. Mowinckel S. He that cometh: The Messiah Concept in the Old Testament and Later Judaism / S. Mowinckel. — Michigan, 2005.

15. Newsom C.A. Daniel. A Commentary / C.A. Newsom, B.W. Breed. — Louisville, 2014.
16. Noth M. The Holy Ones of the Most High / M. Noth // The Laws in the Pentateuch and Other Essays. — London, 1966.
17. Procksch O. Der Menschensohn als Gottessohn / O. Procksch // Christentum und Wissenschaft. — 1927. — № 3.
18. Rowland C. The Open Heaven. A Study of Apocalyptic in Judaism and Early Christianity / C. Rowland. — London, 1982.
19. Schmidt N. The Son of Man in the Book of Daniel / N. Schmidt // Journal of Biblical Literatur. — 1900. — № 19.
20. Seow C.L. Daniel / C.L. Seow. — Louisville, 2005.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bessonov I.A. Prorochestva knigi Daniila: proishozhdenie, istorija jekzegetiki, tolkovanie. Carstvo svjatyh Vsevysnogo i mirovaja istorija [Prophecies of the book of Daniel: origin, exegetical history, interpretation. The kingdom of the saints of the Most High and world history] / I.A. Bessonov. — Saint Petersburg, 2019. [in Russian]
2. Beasley-Murray G.R. The Interpretation of Daniel 7 / G.R. Beasley-Murray // Catholic Biblical Quarterly. — 1983. — № 45. — P. 44–58.
3. Bentzen A. Daniel / A. Bentzen. — Tübingen, 1952.
4. Casey M. Son of Man. The interpretation and influence of Daniel 7 / M. Casey. — London, 1979.
5. Collins J.J. A Commentary on the Book of Daniel / J.J. Collins. — Minneapolis, 1993.
6. Egger J. Influences and Traditions Underlying the Vision of Daniel 7:2–14: The Research History from the End of the 19th Century to the Present / J. Egger. — Freiburg-Göttingen, 2000.
7. Feuillet A. Le Fils de l'homme de Daniel et la tradition biblique [Daniel's Son of Man and biblical tradition] / A. Feuillet // Revue Biblique — 1963. — № 60. [in French]
8. Gardner A. "Holy ones" and "(Holy) people" in Daniel and 1QM / A. Gardner // Keter Shem Tov: Collected Essays on the Dead Sea Scrolls in Memory of Alan Crown. — Piscataway, 2013.
9. Hartman L.F. The Book of Daniel / L.F. Hartman, A.A. Di Lella. — New York, 1980.
10. Koch K. Das Reich der Heiligen und der Menschensohn [The kingdom of the saints and the Son of Man] / K. Koch. — Neukirchen-Vluyn, 1995. [in German]
11. Kraeling C.H. Anthropos and Son of Man: A Study in the Religious Syncretism of the Hellenistic Orient / C.H. Kraeling. — New-York, 1927.
12. Kratz R.G. The Visions of Daniel / R.G. Kratz // The Book of Daniel. Composition and Reception.
13. Lebram J.-Ch. Das Buch Daniel [The Book of Daniel] / J.-Ch. Lebram. — Zurich, 1984. [in German]
14. Mowinckel S. He that cometh: The Messiah Concept in the Old Testament and Later Judaism / S. Mowinckel. — Michigan, 2005.
15. Newsom C.A. Daniel. A Commentary / C.A. Newsom, B.W. Breed. — Louisville, 2014.
16. Noth M. The Holy Ones of the Most High / M. Noth // The Laws in the Pentateuch and Other Essays. — London, 1966.
17. Procksch O. Der Menschensohn als Gottessohn [The Son of Man as the Son of God] / O. Procksch // Christentum und Wissenschaft [Christianity and Science]. — 1927. — № 3. [in German]
18. Rowland C. The Open Heaven. A Study of Apocalyptic in Judaism and Early Christianity / C. Rowland. — London, 1982.
19. Schmidt N. The Son of Man in the Book of Daniel / N. Schmidt // Journal of Biblical Literatur. — 1900. — № 19.
20. Seow C.L. Daniel / C.L. Seow. — Louisville, 2005.